

УДК 340.1; 321.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

*канд. юрид. наук, доц. А.В. ЕГОРОВ
(Полоцкий государственный университет)*

Определен предмет сравнительного правоведения в качестве иностранного правового элемента. Проведено отграничение предмета и объектов сравнительно-правового исследования, предложена система объектов правовой компаративистики в виде правовой семьи, правовой системы, отрасли права, правового института, нормы права, юридической практики, правовой доктрины и права сообществ. Дано понятие правовой семьи как предельно обобщенного объекта сравнительного правоведения, определены существенные черты данного элемента правового сравнения.

К числу наиболее значимых проблем сравнительного правоведения, определяющих содержание всего данного научного направления, относятся вопросы предмета и объекта правовой компаративистики, а также проблемы определения правовой семьи как основного уровня макроисследований сравнительно-правовой направленности.

Вопрос о предмете правовой компаративистики как науки (от лат. *comparativus* - сравнительный) активно обсуждался на I Международном конгрессе сравнительного права в Париже. Сравнение к этому времени вышло из стадии эмпирических поисков и приобрело научный характер. Вместе с тем, спустя значительный промежуток времени, сравнительное право до сих пор не стало однозначно определенным в своем понятии и предмете. Известно, что фазы начала и окончательного становления любой науки сходны в том, что обостряют вопрос о предмете исследования. Но если в первом случае дискуссия бессистемна и еще малопредметна, то во втором, напротив, материал уже не просто накоплен, а приведен в систему; иными словами, мы имеем дело с работающим цельным механизмом. Таким образом, если в начале столетия разговор о предмете сравнительного права походил на споры о том, как, куда и какие «части» поставить, то в настоящее время - это дискуссия о том, как настроить собранный механизм. Причем различные ученые предлагают и разные «способы настройки».

Одна из позиций состоит в том, что сравнение - это всего лишь общенаучный метод. Представители ее исходят из того, что сравнение присуще буквально всем юридическим наукам, каждая из которых так или иначе использует его в своих исследованиях [1 - 4]. Но в таком случае речь не идет о крупномасштабных сравнительно-правовых исследованиях, например, правовых семей или даже правовых систем, дающих почву для тех же отраслевых сравнений. Скажем, можно ли вообще говорить о сравнительном трудовом праве или сравнении норм права, регулирующих брачные отношения, не имея общего представления о характере, особенностях правовой системы страны, с отраслью или нормами которой сравнивается отечественное законодательство? Итак, представители изложенной позиции, признавая наличие и важность сравнительных исследований, ограничивают саму проблему, что не может быть приемлемо ни в правовом, ни в социальном плане.

Иную концепцию разделяют ученые А.А. Тилле, В.А. Туманов, Г. Алеш и другие [5 - 7]. Они признают сравнительное право и методом, используемым всеми отраслевыми юридическими науками, и особым направлением правовых исследований.

Правильной в настоящее время представляется позиция ученых, которые предлагают «узаконить» границы сравнительного права как науки [8 - 11]. Позиция эта верна как с методологической, так и с практической точек зрения. Признав сравнительное право методологической наукой, определив ее предмет и методологию, мы тем самым можем создать реальную возможность дифференцированного изучения вопросов сравнительного права - методологических и практических. Сравнительное право не собирается претендовать на роль составной части или целой отрасли позитивного права. По нашему мнению, сравнительное право является *общеправовой методологической наукой*. Но каков же её предмет?

Стоит заметить, что даже среди сторонников сравнительного права как науки нет единого мнения по данному вопросу. Не означает ли это отсутствие такого предмета вообще, а следовательно, и самой науки?

Предмет любого вида познания существует всегда, т.е. объективно, если есть само познание как таковое. Предмет этот нужно только найти, и самое главное, правильно определить. Причина же всех неудач кроется прежде всего в предвзятости самих ученых, что является следствием разницы в подходах к определению ими понятия сравнительного права. Современный компаративист не ориентируется в своих исследованиях ни на методологическую и ни на практическую часть сравнительного права. Он пытается охватить всё и вся. Такое положение приводит исследователя к абсолютизации того или иного объекта сравнения, который он беспрепятственно вносит в качестве своей теории в методологию сравни-

тельного права. Поэтому одни ученые считают предметом компаративистики изучение правовых систем, другие - правовых семей и т.д. Но, так или иначе, каждый из них работает со специфическим материалом, а именно, с **иностраным правовым элементом**. Исследует ли ученый отрасль или институт права зарубежной страны, юридическую практику или особенности правовой системы в целом, предметом его исследования всегда будет названный элемент.

Но определения предмета правовой компаративистики еще недостаточно для ее полной характеристики. Как и любая методологическая наука, сравнительное правоведение обладает целым арсеналом методов. Особенность их соотношения заключается в том, что в ряду методов на первый план выступает метод сравнительного анализа, который и определяет саму природу исследований. Особая специфика положения данного метода состоит в том, что он хотя и находится в одной группе общих приемов (анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, системно-структурного подхода и т.д.), но относительно не зависим от них.

В зависимости от характера исследуемого правового объекта в большей или меньшей степени будет задаваться тот или иной метод. Например, при сравнительном изучении конкретных правовых систем более всего будет использоваться прием системно-структурного анализа, а не аналогии. При сравнении норм права ситуация будет обратной. Характер задействования данных методов зависит от характера объектов сравнения. Но в любом случае неизменным будет оставаться положение сравнительного метода, что делает сами исследования сугубо **специализированными**, направленными именно на сравнение, а не на простое изучение иностранных правовых элементов.

Общеправовой методологический характер науки сравнительного правоведения не позволяет появиться в системе ее методов частнонаучным приемам исследования, присущим только правовой компаративистике (как, например, ряд естественно-научных методов стал принадлежать только естественным наукам).

Сравнительное правоведение обслуживает методологические потребности юридических наук, предметом которых являются государственно-правовые явления в различных правовых плоскостях. Данный предмет и определяет круг методов, используемых сравнительно-правовой наукой.

Методологическая природа правовой компаративистики имеет двойственный характер. С одной стороны, сравнительное правоведение разрабатывает методологическую базу для правильного исследования иностранных правовых элементов, т.е. определяет, что и как нужно изучать в зарубежном праве и в практике его применения, как заимствовать («трансплантировать») в иную среду правовые элементы и т.д. С другой стороны, изучение и заимствование иностранных правовых объектов направлено на совершенствование национального права и национальной юридической практики, хотя сравнительное правоведение непосредственно и не участвует в создании юридических норм.

Итак, исходя из вышесказанного, можно определить сравнительное правоведение **как общеправовую методологическую науку, предметом которой является специализированное изучение иностранного правового элемента**.

Данный подход в отношении понятия предмета и методологического своеобразия сравнительного правоведения в какой-то степени может позволить примирить противоборствующие точки зрения, тем самым повысив качество конкретных сравнительно-правовых исследований.

Предмет и объект сравнительного правоведения не являются равнозначными понятиями. Говоря о предмете изучаемой науки, мы подчеркнули, что таковым является иностранный (инородный) правовой элемент с самым широким содержанием. Таким образом, границы предмета сравнительного права определяются двумя признаками: иностранностью (инородностью) элемента и его правовым характером. Вопрос же об объекте сравнительного права так и остался открытым.

Объект сравнительного права является составной частью предмета науки, а следовательно, и частью всего иностранного правового массива. Данный объект сравнительного права может выступать как в виде общего уровня сравнения, так и в форме непосредственных конкретных объектов (так называемый специальный уровень). К общему уровню сравнения относятся: инородная правовая семья, иностранная правовая система, отрасль права, институт, норма, иностранная юридическая практика, правовая доктрина и право сообществ. Эти элементы являются, таким образом, **общими объектами** сравнительного права и в совокупности составляют предмет науки. Систему же специального уровня сравнения образуют **специальные объекты**, т.е. все множество конкретно определенных иностранных норм, институтов, правовых систем и т.д. Следовательно, суть определения объекта сравнительного правоведения заключается в делении его на общий и специальный.

Понятие общего объекта характеризует инородные правовые образования самым предельным образом, не вдаваясь в суть их специфики. Например, общий объект - правовая семья - характеризуется нормально-правовой общностью источников и системы права, нормативной общностью и общностью правового понятийного фонда. Специальный объект, например, романо-германская правовая семья в ряду источников права на первое место ставит законодательные источники, систему права представляет в

виде публичного и частного и т.д. Но по непосредственным признакам специальных объектов мы не можем определить их иностранность (инородность) по отношению друг к другу. Так, две правовые системы могут одинаковым образом понимать структуру права, в частности, французская и германская. Вместе с тем эти же правовые системы по ряду других признаков будут являться инородными друг к другу: в характеристике юридической практики, отдельных элементов доктрины и т.д. Лишь абстрактность понятия общего объекта позволяет отграничить инородные правовые объекты и, следовательно, обеспечить возможность сравнения. Специальные объекты, таким образом, входят в предмет сравнительного права, но опосредованно через общие.

Деление объекта сравнительного права на общий и специальный является новым и, как представляется, имеющим большое будущее подходом в теории сравнительного правоведения.

В свое время венгерский ученый И. Сабо ставил вопрос всего лишь о трех «уровнях» сравнительного исследования: систем, отраслей и институтов права [12]. По сути дела это явилось попыткой предельно обобщить существующее объективно огромное множество специальных объектов исследования. Но практика сравнения отвергла данный подход по той причине, что даже «трехуровневым» объемом не удалось охватить все специальные объекты. Их просто-напросто оказалось значительно больше.

Оригинальную методику разработки вопроса объектов сравнительного права предложил А.А. Тилле [5]. Но, опять же, речь шла лишь об общем объекте, о понятии же специального не упоминалось.

До сих пор многие ученые, говоря о выборе объектов сравнения, характеризуют данный процесс как наиболее грубый и приблизительный, вводят при этом понятие «предварительного сравнения», которое все же не устраняет всех противоречий между выбранными для сравнения объектами. Введение понятия специального объекта избавит исследователя от подобной ситуации. Как правило, изначально происходит выбор не общего, а специальных объектов сравнения. Например, при выборе в качестве таких объектов институтов собственности во французском и германском праве осуществляется вычленение совокупности однородных норм уже непосредственно, минуя общий объект - иностранный правовой институт как изначальную теоретическую формулу. Качественный же выбор непосредственных объектов сравнения возможен лишь после определения общего объекта. Обоснованием такого подхода является то, что специальный объект сравнения наиболее мобилен и зависим от целого ряда как правовых, так и неправовых условий. Например, содержание той же правовой нормы может изменяться в зависимости от экономических условий, под влиянием новых юридических теорий и т.п. Общий же объект сравнительного права (как правило, представленный в виде определенной теоретической конструкции) более устойчив и характеризует лишь существенные изменения, которые происходят в содержании тех или иных специальных объектов.

Наиболее стабильным, базовым объектом сравнительного правоведения, на основе которого, по сути дела, и происходят все сравнительно-правовые исследования, является правовая семья.

Термин «правовая семья» стал употребляться с начала XX столетия. До этого времени предельно обобщенным элементом считалась правовая система. На базе ее и проводились все сравнительные исследования, начиная с отраслей права и заканчивая нормами. Каждая из правовых систем в то время считалась настолько специфичной, что о возможности какой-либо классификации данного рода образований не приходилось говорить. Боязнь произвести на свет правового мутанта жила в каждом ученом. На самом же деле для того, чтобы объединить правовые системы того времени в определенные группы, не стоило исходить из их национального содержания. Напротив, необходимо было, во-первых, отойти от национально-государственной ограниченности правовой системы и, во-вторых, преодолеть нормативистский взгляд на нее. Учение же о правовой системе представляло собой исключительно изучение законодательства той или иной страны. Недаром и сама наука носила название сравнительного законодательства, а не сравнительного правоведения. Первым ошибочность такого подхода понял А. Эсмен и впервые предложил объединять законодательства различных стран, исходя из особенностей их «исторического формирования».

По мере того, как происходил отказ от нормативистской точки зрения на право, появлялись и все более совершенные классификации правовых систем. Так, Леви-Ульман объединял последние в определенные группы, основываясь уже на сходстве источников права, а немецкий компаративист К. Цвайгерт - на стили права. В скором времени оснований классификации было предложено столько, сколько не было и самих правовых систем. Чрезмерное увлечение вопросами классификации привело к тому, что вопрос о понятии правовой семьи остался неразработанным. Ученые даже не выработали единого названия этому новоявленному правообразованию. Сам А. Эсмен говорил лишь о группах правовых систем, Шнитцер же называл их «крупными культурными сферами», а К. Цвайгерт и вовсе ввел непонятное название «правовые круги», не давая при этом никакого пояснения.

Термин же «правовая семья» был предложен участниками I Международного конгресса сравнительного права (1900 г.). Позднее его заимствовал французский компаративист Р. Давид. Так название «правовая семья» вошло в юридический обиход и в настоящее время стало общеупотребительным. Не-

смотря на терминологическую определенность в названии на сегодняшний день мы все же не имеем четкого определения правовой семьи. В связи с этим появляется масса вопросов при изучении данного элемента, что мешает определиться в самом объекте, в частности, действительно ли мы имеем дело с правовой семьей, а не с каким-то другим образованием. Поэтому прежде всего следует разобраться в сущности понятия правовой семьи.

Выработка единого понятия правовой семьи в настоящее время имеет ряд объективных условий для этого.

Во-первых, накоплен огромный фактологический материал. Если в свое время А. Эсмен проводил классификацию, имея дело с шестнадцатью известными к тому времени правовыми системами, то сегодня мы насчитываем их уже более двухсот. Количество же объективно существующих в настоящее время правовых систем значительно больше. Но и охватываемых сознанием сегодняшнего исследователя вполне достаточно, чтобы говорить о типичных, устойчивых образованиях - семьях, давая им определенную характеристику.

Во-вторых, сам феномен права стал рассматриваться не с узконациональных позиций, а как общечеловеческая ценность, воплощение определенных идей справедливости и блага. Это обстоятельство позволяет в настоящее время, описывая законодательства определенных государств, говорить больше о принципиальном сходстве, нежели различии в праве той или другой страны.

И, в-третьих, благодаря указанным явлениям стали вырисовываться определенные подходы к выработке понятия правовой семьи, на основе которых мы сегодня и можем предложить свое решение проблемы.

По крайней мере, три варианта такого подхода заслуживают в настоящее время наибольшего внимания. Первый - исторический. Суть его заключается в том, что общим условием идентичности определенных правовых систем, образующих семью, признается схожесть особенностей их исторического формирования. Ценность такого подхода состоит в невольной констатации при этом и схожести чисто правовых моментов, не связанных с исключительно национальной спецификой права каждой страны. Например, говоря о французском и португальском праве с точки зрения исторического происхождения, мы констатируем при этом, что, несомненно, главным источником здесь является римское право. При этом в дальнейшем, рассматривая ход правовых событий, мы обращаем внимание на эволюцию римского права во французской и португальской правовых системах. Национальная специфика как бы остается на втором плане, и появляется возможность говорить о правовых явлениях общего характера для обеих правовых систем.

Слабость исторического подхода состоит в относительности юридической оценки. Очень часто исследования такого плана теряют правовой характер и становятся чисто историческими, не преследующими юридическую классификационную цель. Так, мы можем говорить о схожести того же французского и португальского права, исходя из чисто хронологической, временной оценки их существования на правовой карте. Но при этом мы можем не учесть степени рецепции римского права, которое было неодинаковым у этих правовых систем.

В связи с этим предложенный некогда А. Эсменом и отчасти воспринятый К. Цвайгертом исторический подход к выработке понятия правовой семьи не до конца совершенен, так как он не позволяет полностью учитывать правовой характер формирования семьи.

Второй подход (определим его как «стилевой») также имеет свои плюсы и минусы. Его представители (в частности, К. Цвайгерт) в основу определения правовой семьи кладут стиль юридического мышления, характеризующий ту или иную группу правовых систем. Но само понятие юридического мышления во многом оценочно и необязательно касается всего правового массива семьи. С другой стороны, игнорируя стилевой подход, мы будем лишены полной картины общности тех или иных правовых систем. Ведь нередко, например, мы встречаемся с правовыми понятиями, присущими исключительно данной правовой семье (например, доверительная собственность в англосаксонском праве).

Третьим, наиболее ценным подходом к определению правовой семьи, является формально-юридический. В частности, Р. Давид предлагает определять правовую семью исходя не из схожести содержания правового материала той или иной правовой системы, а из формального сходства наиболее значимых правовых компонентов. К сожалению, ученый не определяет круг последних, но такая позиция все же представляется в целом правильной.

Действительно, само содержание права каждой правовой системы настолько специфично, что, казалось бы, сравнивая одно право с другим, можно лишь делать выводы только о различии, но не о сходстве. Например, оценивая законодательство США, мы можем не только сделать вывод об отсутствии единого права на территории этого государства, но и вообще отнести право отдельных штатов к романской семье, так как на их территории нередко действуют кодексы. Вместе с тем, анализируя источники права США, мы можем говорить об их несомненной принадлежности к англосаксонскому праву, так как главным источником права здесь является прецедент, а не законы и кодифицированные сборники.

Таким образом, говоря о правовой семье, мы должны заметить, что прежде всего таковая представляет собой **формально-правовую** общность. Под **формально-правовой** общностью мы понимаем лишь внешнюю форму типичных для каждой правовой семьи элементов, а не само их конкретно-правовое содержание.

Круг этих элементов можно определить следующим образом.

Несомненно, жизненно важным компонентом права является его непосредственный источник, за счет которого оно появляется, изменяется, возобновляется и т.д. Конечно же, в зависимости от политического климата главным источником права является либо гражданское общество, либо государственная публичная власть. Но, так или иначе, воля любого из названных субъектов должна иметь конкретное правовое выражение либо в форме закона, либо прецедента и т.п. Без определенного юридического оформления существование права невозможно.

В результате первым элементом названной формально-правовой общности является **источник права**. С его помощью происходит формирование первичного элемента права - правила поведения, закрепленного в норме. Содержание последней не интересует правовую семью. Важно, чтобы, во-первых, норма имела свой строго определенный материальный носитель (например, в англосаксонском праве - это прецедент, в романо-германском - закон и т.д.); во-вторых, чтобы норма характеризовалась определенной для семьи степенью обобщенности; и, в-третьих, чтобы она также создавалась в общепринятом для данной семьи порядке (в англосаксонской правовой семье - это судебная процедура, в романо-германской - законодательная и т.д.). Таким образом, **нормативная общность** является вторым звеном в рассматриваемой нами системе.

В свою очередь норма формирует **общую структуру права** вообще, характер которой зависит от природы нормы. Например, специфика англосаксонской нормы не позволяет праву в этих правовых системах иметь строгое отраслевое деление, в романо-германской семье - все наоборот. Правовую семью в первую очередь интересует лишь внешняя сторона внутренней структуры права, а не само содержание каждого из ее элементов.

Названный круг объектов формально-правовой общности семьи можно завершить общим **понятийным аппаратом (фондом)**, общность которого выражает единство во всех перечисленных элементах. Юрист той или иной семьи в конечном итоге оперирует понятиями, предложенными практикой, сложившейся именно в его правовой семье.

Итак, **правовая семья** представляет собой совокупность формально-правовых общностей источников и системы права, нормативной и понятийного правового аппарата (фонда). Названный признак является определяющим в понятии правовой семьи. Именно благодаря этому признаку мы проводим формальное отграничение одной группы правовых систем от другой и определяем конкретные правовые семьи. Но данного признака еще не достаточно для рассматриваемого правового элемента. Формальная, внешняя сторона семьи не дает полного представления о внутреннем его единстве. С другой стороны, требование к понятию правовой семьи не позволяет нам глубоко рассматривать содержание каждого из элементов ее общности. В противном случае, мы выйдем за рамки данного объекта. В связи с этим необходим внешний критерий внутреннего единства семьи. Им и является **тип юридического мышления**, который складывается под воздействием характера содержания компонентов правовой семьи. Для любого типа юридического мышления характерен специфический взгляд на определенную нами формально-правовую общность. Представитель той или иной общей группы правовых систем объективно воспитывается в ее традициях. При оценке им общности определенного элемента семьи мы сталкиваемся со своего рода стереотипом правового мышления, который иногда просто невозможно преодолеть. Этот положительный момент исследователь всегда использует в качестве критерия правильности определения им общности семьи. Так, представитель романской семьи под формально-правовой общностью системы своего права будет понимать деление его на частное и публичное, а также дифференциацию данных элементов на отрасли. Иного подхода он просто не приемлет.

Третьим признаком правовой семьи является **историческая обусловленность** ее формально-правовой общности и соответствующего типа юридического мышления. В отличие от всех других иностранных (инородных) правовых элементов понятие правовой семьи является наиболее абстрактным. Мы не можем определить ее материальное присутствие, не прибегая к конкретному правовому содержанию источников, системы права и т.д. Казалось бы, в такой ситуации можно говорить лишь об исторической обусловленности их содержания, но отнюдь не всей правовой семьи.

Действительно, составляющие формально-правовую общность семьи элементы образовались в разное время. Неравномерной была и их дальнейшая эволюция. Так, формирование общности источников права исторически предшествовало формированию нормативной общности. Появление последней произошло, когда природа и характер создания нормы были обусловлены иерархией источников. Но, так или иначе, в то время, когда происходил процесс формирования элементов общности, не говорили ни о какой правовой семье, и лишь в начале XX столетия это понятие стало входить в обиход правовой ком-

паративистики. Таким образом, правовая семья не возникает одновременно с другими правовыми образованиями. Эта категория не только абстрактная, но и исторически преходящая.

Если в начале столетия ученые-правоведы считали деление на семьи единственно верным решением, то в настоящее время многие компаративисты говорят об условности такого деления. Правовые диффузии между семьями, произошедшие за последнее время, показали, что отдельные стороны права являются всеобщим достоянием, а не только лишь собственностью отдельных семей. В результате наметилась тенденция к образованию единого европейского правового пространства. И возможно, что в скором времени мы будем говорить об определенных сообществах семей и т.д. Между тем на сегодняшний день существование правовых семей можно считать исторически обусловленным. К необходимости определения понятия этого правового момента мы пришли лишь тогда, когда оформились все нужные для этого характеристики правовой семьи. С возможным же новым, более общим правовым образованием мы будем иметь дело лишь тогда, когда окончательно определятся все существенные стороны этого нового элемента.

Сегодня же наличие правовых семей указывает на степень обобщенности правового массива в общемировом масштабе именно на данный момент. В свое время на первый план выдвигались правовые системы, которые являлись пределом правового обобщения. Позднее их место заняли конкретные группы правовых систем, представляющие определенные регионы. В частности, это было особенно характерным для континентальной Европы в период отмирания права обычаев и образования регионального, общего для многих стран права. И лишь в конце XIX - начале XX столетия степень обобщенности общемирового правового массива достигла семей. Таким образом, с помощью исторической обусловленности рассматриваемого элемента мы можем определить и дальнейшую динамику его эволюции.

Итак, историческая детерминированность правовой семьи определяет не только степень ее формально-правовой общности, но и исторически преходящий характер. Но, так или иначе, при любых вариантах модификаций правовой семьи мы все равно будем иметь дело с *предельно общим* правовым элементом.

Итогом всех наших рассуждений является то, что правовая семья - *это исторически обусловленная формально-правовая общность источников и системы права, нормативная, правового понятийного аппарата (фонда) с присущим ей специфическим типом юридического мышления.*

Предлагаемое определение может привести конкретного исследователя к ошибочному признанию за правовой семьей статуса предмета науки сравнительного права, что в свое время произошло с понятием правовой системы. Но такое явление, как правовая семья, исторически преходящее, а предмет компаративистики, как и любой науки, устойчив. Нельзя вчера, посчитав таковой правовую систему, сегодня заменить ее на правовую семью, а завтра, при изменившихся условиях, - на какое-то новое, более общее правовое образование. В конечном итоге правовая семья является лишь элементом всего правового массива, как бы ни смущал современного исследователя сам этот термин «элемент». К понятию правовой семьи менее подходит определение «иностранный». Здесь более уместным будет термин «инородная».

Для науки сравнительного права правовая семья не существует вне сравнения с другой. Простым изучением этого образования могут заниматься другие общетеоретические дисциплины - теория, история права и подобные им науки. Главным образом сравнительной характеристикой и определяется место правовой семьи в компаративистских исследованиях. Несомненно, сравнение может происходить и внутри самого этого элемента. Но оно будет касаться уже других объектов - правовых систем, отраслей и т.д. К тому же и характер исследования здесь будет определяться особенностями каждого из объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gutteridge H. Comparative Law. L., 1949.
2. Cruz P. Comparative Law in a Changing World. L., 1995.
3. Grossfeld B. The Strength and Weakness of Comparative Law. Oxford, 1990.
4. Зивс С.Л. Источники права. - М., 1981.
5. Тилле А. А. Социалистическое сравнительное правоведение. - М., 1975.
6. Сравнительное правоведение. - М., 1978.
7. Алеш Г. Право и система методов его исследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1980.
8. Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. - М., 1978.
9. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. - М., 1997.
10. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общ. ч. - М., 2000.
11. Сайдов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). - М., 2000.
12. Сабо И. // Теоретические вопросы сравнительного правоведения. - 1972. - № 2. - С. 231 - 232.